

АРТУР МУСИН

Последний Ангел

Артур Мусин
Последний Ангел

«Издательские решения»

Мусин А.

Последний Ангел / А. Мусин — «Издательские решения»,

Как из программиста переквалифицироваться в ловца душ? И какую цену придется за это заплатить? Вик ждал, когда закончится его собственное бренное существование, но теперь забирает жизнь у других — такая работа. Обретя бессмертие и получив тайное знание, он все время вынужден задавать себе вопросы о том, стоит ли игра свеч или лучше прожить короткую, но яркую жизнь с любимой. Даже если она ангел.

© Мусин А.

© Издательские решения

Содержание

Часть первая	6
Прерванная смерть.	6
Скрижали. 9 мая 2011 г.	9
Бродяга. 10 мая 2011 г.	14
ООО «Angel».	24
Информационный шпионаж.	30
Ответы. 14 мая 2011 г.	35
Пьяница. 16 мая 2011 г.	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Последний Ангел

Артур Мусин

© Артур Мусин, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

Прерванная смерть.

8 мая 2011 г.

Мерзкое дребезжание пластика о столешницу вырывает меня из глубоко сна. В комнате душно, простыня противно липнет к мокрому от пота телу. Сквозь распахнутое окно доносятся звуки улицы, которые пытаются перебить тихие звуки музыки. «Ария», песня «Твой новый мир». С трудом разлепляю глаза. Вся комната залита ярким солнечным светом: забыл закрыть шторы перед сном. Светлые обои отражают падающие солнечные лучи, разбрызгивая их по всей комнате.

Поднимаюсь с кровати, беру в руки мобильник. Все еще мутный взгляд выуживает из него необходимую информацию. В десять часов нужно быть на пересечении главных улиц города. Очередной заказ, но зачем так рано? Неужели нельзя вызвать мастера по ремонту компьютеров хотя бы часам к двенадцати...

Сажусь за ноутбук, набираю в Skype номер. Очень долго не берут трубку, но через какое-то время ожидаемый сигнал воспроизводится в мембране динамика.

– Стил, – зову в микрофон.

– Чего так рано? Еще только девять утра! Я лег в шесть! – недовольно отвечает голос.

Это Стил, мой давний напарник по компьютерным играм. Как и большинство геймеров, спать мы ложимся ближе к утру.

– Я не смогу сегодня на осаду.

– Как? Ты же лучший прист в гильде! – возмущается виртуальный друг.

– Игра игрой, а за Интернет надо платить. Работа.

– Черт. А перенести никак?

Для него игра куда как реальной жизни. Явный психопат. Я никогда его не видел в жизни, но лишь его могу назвать другом. Вот он, мир высоких технологий.

– Нет. Буду только после часу дня, и то...

– Ладно, удачи, – наигранно обижается Стил.

Отключаюсь, бросаю наушники на стол, включаю музыку погромче. Последний альбом Rammstein разрывает тишину моего уютного мирка. Не в такт подергивая конечностями, дохожу до кухни и запускаю кофеварку. Следующая остановка – душ.

Холодные струи смывают пот и остатки сна, помогают взбодрить тело и разум. Наспех вытираюсь пушистым полотенцем, в него же заворачиваюсь и сажусь в кухне пить кофе с бутербродом. Наспех сооруженные башенки из батона, сыра, масла и ветчины быстро исчезают, остаются лишь крошки на клеенчатой скатерти.

После горячего кофе вновь стало жарко. Можно было сначала поесть, а потом в душ, но уже поздно.

Возвращаюсь в свою единственную комнату. В углу скромно ютится шкаф, рядом с которым пристроилось кресло. Слева от входа – компьютерный стол, напротив – двуспальная кровать. Время 9.30. Быстро надеваю классические синие джинсы, белую с золотым рисунком футболку и легкие мокасины. Проверяю талисманы. Два продолговатых овальных куска гранита, отполированные почти до блеска. Темный камень с золотыми крапинками. На каждом выгравирована вытянутая восьмерка с чертой, пересекающей ее вдоль. Таким образом, каждая восьмерка разбита на четыре части.

Легким бегом преодолеваю коридор, подъезд, лестничные марши, железную дверь. В глаза бьет яркий солнечный свет. Стою несколько секунд, привыкая. Темные очки и кепки не ношу: кепки просто не люблю, а глаза скрывать за очками неприлично, ведь это зеркало души, а мне скрывать нечего.

Слева дворы, справа парк. Потом: слева магазин, справа дворец культур «Строитель» – пережиток советской эпохи, дышащий на ладан последние лет двадцать. Прямо – автобусная остановка. Еще не дойдя до нее, решаю идти пешком. Визжащая, потная, толкающаяся толпа набивается в консервные банки автобусов. На секунду представил запах пота, дезодорантов, духов, перегара, никотина. Стало дурно. Сунул в уши вакуумные наушники – и в сознание по нервным окончаниям течет грустная песенка «Агаты Кристи» – «Серый траур».

Быстро двигаюсь вдоль центральной улицы, практически не обращая внимания на окружающее. Магазины, машины, люди, урны, кривой асфальт, светофоры, пьяные то ли с самого утра, то ли со вчерашнего дня компании. Сумасшедший город из мешанины советского прошлого, суровых девяностых и грядущих двадцатых годов. Контраст на контрасте.

Без пяти минут десять прибываю по указанному адресу. Простой двор со старыми постройками, в котором вечно гуляют детишки и бабушки. Кажется, что они еще на рассвете взяли в осаду все имеющиеся лавочки. Подхожу к первому подъезду.

– К Ирке, наверное, опять... – доносится мне вслед бормотание вечно недовольных, но все и про всех знающих.

Самый обычный подъезд самой обычной хрущевки. Четвертый этаж, дверь слева. Дико смотрящийся среди этих почти что трущоб кусок бронированной стали, звонок со встроенной видеокамерой, ныряющие в толщу кирпича провода от Интернета, телефона и кабельного телевидения.

Слегка касаюсь крохотного сенсора. Буквально кожей ощущаю, как с другой стороны двери меня разглядывают с помощью маленького монитора современного звонка. Спустя несколько секунд дверь открывается. На меня смотрят прозрачные зеленые глаза, добрые и нежные. Молодая девушка с пышными черными волосами и округлыми чертами лица. Одна ее рука придерживает дверь, другая лежит на большом округлом животе. Девушка явно беременна. Какой срок, определять не берусь: совсем ничего не понимаю в детях. Но она изумительна в своем светло-фиолетовом халате. Невероятное изящество и красота.

– Виктор? – разливается по коридору ее мягкий голос.

– Можно просто Вик, – отвечаю я.

– Аня, – представляется девушка и слегка улыбается.

Она протягивает мне одну руку, второй раскрывает дверь, приглашая войти. Легонько касаюсь ее нежной кожи. Великолепное ощущение, которое хочется продлить на время бесконечности, но я пересиливаю себя и выпускаю ее. Аня, кажется, ничего не замечает. Вхожу в комнату вслед за ней. Немного странная обстановка. Одна комната проходная, вторая закрыта. Первое, на что обращаю внимание, – компьютерный стол, напоминающий на нечто среднее между паутиной и проволочной скульптурой. Системный блок словно висит в воздухе на тонких нитях. Монитор подвешен на тонком стебле.

Остальные элементы интерьера не менее интересны. Жутковатый цветок служит, видимо, диваном. Смутное переплетение стальных трубок поддерживает широкоформатную плазменную панель. Пол покрыт пушистым цветным ковром, мягко ласкающим ступни.

– Вы дизайнер? – спрашиваю, глупо застыв в проходе.

– Да, вы правы. Все сделано мной. Точнее, придумано.

– Красиво. Куплю квартиру – приглашу вас.

– О, прекрасно. Вы проходите, Вик. Приступайте. Я пока приготовлю кофе. Или, может, чаю?

– Зеленый есть?

Сначала задаю вопрос и только потом осознаю – звучит нагло. Но уже поздно.

– Я думала, все программисты пьют крепкий кофе.

– Много кофе пить вредно. Лучше чай.

– Зеленый, – подтверждает «заказ» то ли себе, то ли мне.

Девушка скрывается в кухне.

Весьма мощный компьютер встречает меня целым набором вирусов и ошибок. Несколько минут перебираю взятые с собою флешки. Зеленая, красная, синяя, белая, черная. Пять любимых инструментов. Останавливаю выбор на черной. Наклоняюсь к системному блоку, чтобы вставить ее, но меня отвлекает шум в коридоре.

Оборачиваюсь – и замираю. Из сумрака коридора на меня смотрит живое воплощение смерти, как кажется на первый взгляд. Ломаные линии, размазывающиеся в полутемном углу, складываются в фигуру высокого мужчины. В левом ухе висит серьга в виде пентаграммы. Лицо пересекает кривоватая улыбка тонких губ. Черное дуло пистолета с непоколебимой уверенностью разглядывает меня из его рук. Щелчок, грохот, глухой удар. Патрон пробивает толщу воздуха, тонкую кожу, кости черепа, мозг. Мою кожу, мой череп, мой мозг.

В последние секунды угасающее сознание фиксирует: маленькая кисть стальной хваткой сжимает мою руку.

– Бродяга, – слышится холодный голос.

– Он мой, – отвечает другой, совсем детский.

Резкий рывок, сознание гаснет.

Скрижали. 9 мая 2011 г.

Мерзкое дребезжание пластика о столешницу. Второе sms за утро... Резко открываю глаза, дыхание перехватывает, будто меня окатили ледяной водой. Несколько минут лежу, восстанавливая дыхание и успокаивая бешено бьющееся сердце. Это первое сообщение за утро. Еще одно было вчера. Память, негодяйка, издевательски восстанавливает картину прошедшего дня. Раннее sms, перегретый город, старая хрущевка, беременная девушка с удивительно нежными руками и пуля, прошибающая мою голову.

Все еще надеясь на то, что все было сном, беру в руки телефон. Входящее сообщение от оператора. В очередной раз предлагают подключить какую-то невероятно новую и почти бесплатную услугу. Дата – девятое мая. Сегодня девятое мая. А вчера, когда меня убили, было восьмое. Нет, не убили, ведь я стою живой, посреди своей комнаты. Сзади моя двуспальная кровать, рядом компьютерный стол, дальше, в углу, шкаф с одеждой, большое окно и дверь на балкон. Но сегодня девятое, день великой победы. А последнее воспоминание датируется восьмым мая. День моей смерти?

Мысли эти невыносимы. Достаяю из нижнего ящика стола сигареты. Не курил больше полугода. Сигареты не мои, женские. Оставила то ли сестра, то ли кто-то из посетительниц. Выхожу на балкон, закуриваю. Сразу под балконом растут березы. Листья только что распустились. Через пешеходную дорожку – две школы, разделенные парком и спорт-площадкой. Чирикают по-весеннему радостные птицы, но мое настроение – мрачный контраст с солнечным днем.

Мерзкий дым. Выкидываю сигарету после второй затяжки и возвращаюсь в комнату.

Динамики колонок рвет звук входящего вызова по Skype. Сую зажигалку в штаны и замираю. Я в штанах, в тех самых штанах и в той самой футболке, в которых меня убили вчера. В левом кармане набор моих флешек: зеленая, красная, синяя, белая, черная. Стоп, черной нету. Я держал ее в руке, когда услышал шум в коридоре той красивой квартиры.

Звук из динамиков не прекращается. Тот, кто хочет со мной поговорить, явно настроен решительно. Дохожу до кресла, надеваю наушники.

– Вик!

– Утро, Стил.

– Какое утро?

– Доброе. С праздником.

– Прекращай! Где пропал? Мы все завалили! – звучащий почти без помех голос Стила быстро отвлекает разум от гнетущих мыслей и затягивает в игру.

– Да сам не знаю, честно. Помню вчерашний день только до десяти утра, – скрываю я часть правды.

– Гульнул? Ладно, идешь?

– Только в душ схожу.

– Ок.

За виртуальными боями, замками, эльфами, оживленным чатом и тихо играющей музыкой незаметно умирает жаркий день, а заодно и часть дождливой ночи. Во втором часу иссякают запасы еды и чая.

– Я в магазин, ребята.

Отключаюсь от игры на несколько минут, одеваюсь и выхожу на улицу. Ставший родным за последний год двор встречает удивительной свежестью и запахом мокрого асфальта. Легкая футболка и спортивные штаны явно не по погоде. Довольно прохладно, но возвращаться домой и переодеться ради пятиминутного похода в магазин не хочу. Быстро добегаю до магазина,

невдалеке от той самой остановки, где хотел вчера сесть на автобус. Опять вспоминается вчерашний, нет, позавчерашний день.

– Демоны, – тихонько ругаюсь.

– Веришь в демонов?

Невероятно жизнерадостный для такой погоды голос легонько касается слуха и мгновенно отрывает от мыслей о вчерашнем дне. На пороге магазина стоит ангел, как кажется в первое мгновение. Милая улыбка, светлые волнистые волосы до плеч. Потрясающие голубые глаза словно светятся изнутри – столько в них позитивной энергии. На мгновение мне становится стыдно под этим взглядом за свою серую жизнь, замкнутую на компьютерах и бесконечных играх.

– Не знаю, – выдавливаю через силу.

Девушка в ответ звонко смеется, делает шаг навстречу под мелкие капли весеннего дождя. Ощущаю, как от нее веет теплом, чувствую слабый аромат цветов.

Маленького роста, едва ли не до моего плеча, она смотрит снизу вверх. Ее белоснежное легкое платье быстро промокает, обрисовывая идеальную фигуру.

– Интересная у тебя душа.

– Почему? – глупо спрашиваю.

– Потом расскажу, – улыбается девушка и, обогнув меня, проходит мимо.

Каблучки белых босоножек глухо стучат о мокрый асфальт, тихо хлопает дверь машины, утробно ревет мотор, и шуршат шины. И только после этого я оборачиваюсь и долго смотрю вслед уносящейся спортивной машине цвета ее платья.

– Парень, – окликает охранник в черном камуфляже, – заходи, дуэт.

Голос его кажется грубым звериным рыком после лившегося прямо в душу голоса ангелочка.

Все еще очарованный девушкой, захожу в супермаркет. Запах курицы, колбасы и духоты моментально прогоняет светлый образ из головы. Настроение резко срывается в пропасть и еще долго летит. Быстро набираю фруктов, молока, хлеба и еще каких-то мелочей.

На кассе меня встречает толстая продавщица с ужасной прической. Усталое лицо перечеркивают серые полосы вен, словно у нее под кожей ползают толстые черви. Кажется, она вот-вот умрет прямо за кассой, так и не отсчитав мне сдачу мелочью. С трудом отрываю взгляд от ее некрасивого лица и ухожу. Загадочна природа человека – смотреть противно, а не смотреть не могу.

Две низкие ступени, мокрые от дождя, едва не падаю в грязную лужу возле магазина. С трудом удерживаю равновесие. Под левым ботинком что-то перекатывается. Сам не понимаю зачем, но наклоняюсь посмотреть, на чем же я едва не поскользнулся. Продолговатый камешек. С одной стороны крохотная дырочка и тонкая гравировка: перечеркнутая восьмерка. Два точно таких же камешка-талисмана висят на моей шее. Какое совпадение.

Может, кто обронил. Решаю отдать охраннику, но, вернувшись в магазин, замираю. Охранник застыл у кассы с совершенно растерянным видом. Он вызывает скорую помощь для продавщицы, уткнувшейся прямо в кассу лицом. Ее тело содрогается, ноги скребут уродливыми туфлями о бетон пола.

Ощущаю тепло в левой руке. Палец бессознательно скользит по отполированному граниту. Это найденный талисман. Он сильно нагревается, но удержать еще можно.

Охранник завершает звонок, продавщица замирает, талисман в руке успокаивается.

Все еще под впечатлением, выхожу из супермаркета. Думаю, без меня разберутся. Своерачиваю за угол. Узкая тропа между бордюром и стеной. Почти нулевое освещение, но эту дорогу с каждой выбоиной и кочкой я знаю наизусть.

– Скрижали-то верни, – окликает меня холодный, точно недавний дождь, голос.

– Какие?

Взгляд невольно падает на все еще зажатый в руке камень. После загадочного нагревания он изменился. В темном с золотым граните проступили кровавые прожилки. Области, образовавшиеся от пересечения прямой линии и восьмерки, теперь заняты какими-то знаками – по знаку в каждой из четырех половинок. Но они слишком мелкие, и разглядеть их не удается.

– Те самые, которые ты получил вчера.

– Не понимаю.

– Ты все понимаешь.

Этот голос кажется мне знакомым. Поднимаю глаза и замираю от неожиданности. Тот самый парень, который вчера пустил мне в лоб пулю. Кривая улыбка на остром лице, светлые волосы, классический черный костюм и блестящие даже в полумраке туфли. Он играет пистолетом, черным, как его одежда и провалы глаз.

– Он ничего не понимает, Кавен. Бродяга с ним так и не поговорил, – вмешивается в беседу третий голос.

Третий голос принадлежит той самой девушке в белом платьице на белой машине.

– Не дури, Оленька. Как ОН, – тот, кого, судя по всему, зовут Кавеном, делает ударение на слове «он», – может не знать?

– Ты сам его вчера убил.

– Ангел меня победи! В самом деле, это он.

– А зачем тебе скрижали, Кавен? Они мои.

– Не глупи. Скрижали этих двоих – мои.

Она смеется в ночной тишине.

– Скрижали девушки и продавщицы забирай, но скрижали ребенка – однозначно мои. Он же еще не родился, его скрижаль моя. Не глупи, Кавен.

– Эй, кто вы такие? – решаю вмешаться в разговор.

– У меня прямой приказ: забрать ВСЕ скрижали.

На несколько секунд воцаряется тягучая тишина, в которой я слышу, как схожу с ума. Кто эти двое, о каких скрижалях идет речь, и зачем они их делят?

– Парень, – обращается ко мне Кавен, – отдай скрижали и разойдемся.

– Нет, – отвечаю рефлексивно, не успев подумать над ответом.

– Глупец.

Кавен пристально смотрит прямо в глаза. Нужно что-то сделать, но под его взглядом замирают даже мысли.

– Кавен, – Оленька резко становится серьезной, – не стоит. Давай уточним.

– Уточним?

Черная масса пистолета быстро вращается в руках Кавена, как живая, пока не останавливается рефренной рукоятью в ладони.

– Ты должен понимать: скрижаль ребенка – моя.

– Уговорила.

Кавен разворачивается на каблуках и скрывается во дворе, вполголоса напевая какой-то жутковатый мотив.

– Кто это? – обращаюсь к девушке.

Она долго смотрит мимо меня. Ее глаза меняют цвет от голубого до зеленого и обратно. Еще немного, и она снова улыбается.

– Это Кавен.

– А, Кавен. Это все объясняет. А ты, видимо, Ольга?

– Нет, я Оленька, – не замечает иронии девушка.

– Ну, теперь я все понял.

– Не дуйся. Лучше камень отдай.

Она протягивает маленькую ладонь. Светлая кожа, острые ноготки.

– Нет.

– Я так и думала, но попробовать стоило.

Лучезарно улыбается и достает из маленького кармашка на все еще мокром платье мобильный телефон.

– Привет, – спокойно говорит в трубку, – я тут на Кавена наткнулась... Нет, по поводу вчерашнего ребенка... Да, ему тоже нужна его скрижаль... Она сейчас у ловца... Вчера... Ясно. Тебя подвезти? – обращается уже ко мне.

Оглядываюсь на ее шикарную спортивную машину, смотрю на еще более шикарную фигуру под прилипшим к телу платьем. Я буду казнить себя всю жизнь, но с трудом выдавливаю невнятное «нет», хотя все мое существо кричит и просит утвердительно кивнуть головой и сесть в машину. В салоне, наверное, тепло и пахнет теми же цветочными духами, что и от нее самой.

– Прощай.

Резко разворачиваюсь и топаю в сторону дома. Слышу сказанное вдогонку «До встречи» и рев мотора. Настроение ниже некуда, даже аппетит пропал. Еще и погода «радует». Тяжелые облака в ночи совсем черные. Копятся и кружат над городом, точно призраки умерших.

Ловлю себя на мысли, что по-прежнему сжимаю в руке талисман или, как его называли те двое, скрижаль. И что делать с этой скрижалей? А ведь они говорили, что скрижалей три. Одна в руке, значит, две другие – те самые талисманы на моей шее. Срываюсь с шага на бег. Сотня метров до подъезда, восемь лестничных маршей, зеленая дверь с номером 34. Ключ легко проворачивается в замке. Не снимая обуви, бросаю пакет с продуктами прямо на пол и залетаю в ванную. Одну скрижаль кладу на умывальник и стягиваю футболку.

Страшная догадка оказалась верна. Талисманы на кожаном шнурке. Золотые прожилки на одном из них стали красными, а на втором – красными с голубым. И на той скрижали, которую я нашел у магазина, тоже красные прожилки. Талисманы с бордовыми вкраплениями обрели руны внутри перечеркнутых восьмерок. Третий, с голубым и бордовым, поменял только цвет.

Кажется, я схожу с ума. Но все же аккуратно продеваю кожаную веревочку через отверстие. Теперь на моей шее три загадочных скрижали, одна из которых еще загадочнее прочих.

Это психоз. Слишком нереально для правды. Нужно просто поспать, дать отдохнуть мозгам.

Быстро раскидываю покупки по полкам старого холодильника, натягиваю мокрую от дождя футболку и выхожу на улицу. Темно, фонари давно погасли. Четвертый час ночи, прохладно, но дождь лить прекратил. Несколько минут разминаюсь и приседаю у подъезда, легким бегом огибаю дом, парк, круглосуточный ларек.

Дыра в заборе впускает меня на территорию спортивной площадки. Асфальтированное кольцо зажимает в себе баскетбольную площадку, заляпанную серыми лужами. Вокруг свернувшегося удава беговой дорожки теснятся скелеты снарядов: мокрые турники, брусья, лесенки.

Не сбавляя темпа, делаю круг за кругом по мокрому асфальту. Кроссовки слегка скользят, пресная влага на футболке сменяется соленым потом. Круг за кругом. Круг за кругом, пока не собьется дыхание, пока не захрипит в легких, пока не станут чугунными ноги, а пот не зальет глаза.

В конце концов появляется чувство, что предел близок. Сбавляю темп, перехожу на быстрый шаг, восстанавливаю дыхание. Еще два круга медленным шагом – и к снарядам. Брусья, турник. Так по очереди, пока руки не станут ватными, пока не задрожат от напряжения пальцы.

Мокрый, усталый, но довольный возвращаюсь в свою уютную берлогу. Ноутбук на столе, шкаф в углу, кофеварка на кухне. Мой привычный мир. Все как обычно. Хотя нет, не все. Теперь в зеркале я вижу три талисмана, а не два.

С приближением рассвета выхожу из душа, быстро ем яичницу, выпиваю молоко и падаю в кровать. Уснул, еще не коснувшись головой подушки.

Бродяга. 10 мая 2011 г.

Просыпаюсь от того, что безуспешно ловлю руками сползшее одеяло.

Через открытое настежь окно в квартиру врывается влажный северный ветер. Он прорывается сквозь броню оранжевых штор и кидается на меня с отчаянной хваткой питбуля.

Оранжевые шторы. Кто вообще придумал делать шторы оранжевыми? Ужас. Ненавижу их, если можно ненавидеть шторы. Внешний дисплей телефона-«раскладушки» показывает 16.24. Но на улице довольно темно. Весна-вертихвостка снова изменила мир, пока я спал.

Белый остров одеяла безнадежно далеко. Вставать придется в любом случае.

Монитор ноутбука отчаянно сигналил о новых сообщениях, пропущенных вызовах, скачанных файлах. Странно: обычно я первым делом сажусь за комп, но сейчас нет никакого желания даже прикоснуться к набору плат и микросхем под пластиковым корпусом. Только радуется играющая песенка великого Цоя «Мы ждем перемен». Выхожу из комнаты, так и не коснувшись мышки. Верный электронный друг грустно смотрит мне вслед жидкокристаллическим дисплеем.

Запах кофе и поджаренного с яйцом хлеба быстро заполняет пространство холодной квартиры. Я все еще зябну, но закрывать окно почему-то не хочется.

Быстро перекусываю и впериваю взгляд в неспешно ползущие тучи. Тяжелые гиганты величаво утюжат город, вдавливают людей в асфальт и ломают слишком высокие строения.

Что делать дальше, не представляю. Никакой работы на сегодня не предвидится. Играть тоже нет желания. От безделья голову наполняют густые, словно смола, мысли. Тяжелые и промозглые, как осенний ветер. Единственное светлое пятно – Оленька. Загадочная и красивая.

Среди прочих мыслей проползает глупая, почти мальчишечья – выйти из дома, погулять у того самого магазина. Может, там я снова встречу белую спортивную машину.

Сам себе удивляюсь, но делаю именно так. Надеваю черные джинсы, футболку и черную кожаную куртку. Рефлекторно проверяю талисманы. Все три на месте. Непривычно. Надеваю кроссовки и выхожу на улицу.

Огромные капли с шумом лупят асфальт, в надежде проломить себе дорогу к земле.

Чувствую себя невероятно глупо. Минут тридцать брожу вокруг этого магазина. Иду от остановки до дворца культуры неподалеку, оттуда к остановке – и опять к магазину. Представители органов правопорядка, спрятавшиеся от проливного дождя в жестяной будке, косо поглядывают в мою сторону. Попробую вернуться позже. Прогуляюсь по городу, и опять сюда.

Проливной дождь разогнал людей по домам, кафе и магазинам. Улицы пусты и прекрасны. Запах мокрого асфальта смешивается с ароматом свежей листвы, озона и выхлопными газами от проезжающих машин.

Это та самая дорога, которая привела меня к знакомству со странным парнем и прекрасной девушкой Оленькой. Ноги сами несут меня в тот двор, в тот самый подъезд, только сейчас нет оккупации бабулек.

Мягкая подошва кроссовок глухо скрипит о сталинский бетон. Я не могу отделаться от ощущения, будто из каждого дверного глазка на меня смотрят, обсуждают, прикидывают...

На четвертый этаж взбираюсь, словно на Эверест. Дыхание сбивается, выступает холодный пот. Хорошо, что я мокрый от дождя: будет не так заметно, что вспотел. Хотя какое это имеет значение?

Наконец упираюсь взглядом в броню новенькой двери. Окрашенная в коричневатый металлик сталь. Сенсорный звонок, крохотная камера. И зачем я сюда пришел? Во мне зреет решение развернуться и никогда больше не появляться в этой части города, но дверь тихонько приоткрывается. От неожиданности сильно вздрагиваю, отчего становится стыдно перед самим собой.

В проеме двери появляется маленькая беловолосая голова.

– Входи, – зовет детский голосок.

Мальчишка лет четырнадцати, кажется, смотрит мне прямо в душу. Его серые, очень взрослые глаза никак не подходят к детскому личику. Короткие шорты, футболка с каким-то покемоном и сандалии. Одет парень совсем не по погоде.

– Ну же, входи. Времени нет.

Невольно подчиняюсь этому парнишке и вхожу в квартиру. Пугающая картина. Стены, пол, мебель в кухне заляпаны запекшейся кровью, от которой в квартире стоит неприятный запах. Следы крови есть и на полу в большой комнате. Запачканы и дизайнерский столик, и простреленный монитор. Взгляд цепляется за кусочек черного пластика на пушистом ковре. Моя флешка, та самая, которую я держал в руках в момент выстрела.

– Проходи.

Мальчишка рукой указывает в сторону балкона и пересекает комнату. Я следую за ним, но по дороге подбираю свою вещицу. Так, на всякий случай.

– Ты кто?

Решаю взять на себя инициативу, едва попав на балкон. Самый простой балкон советской постройки. Видимо, сюда рука дизайнера еще не добралась. И уже никогда не доберется. Отсюда открывается прекрасный вид на центральную улицу: магазины, бешено несущиеся по дороге машины, мигающие светофоры.

– Бродяга, – спокойно отвечает мальчишка.

– Ты, видимо, друг Кавена? Или Оленьки?

Эти короткие, ничего не объясняющие ответы начинают выводить из себя.

– Нет, не друг, но их знаю. Собственно, поэтому и позвал. Не отдавай им скрижали.

– И не собирался.

– Не будь так уверен. Эти.... гм.... они умеют убеждать. С этими скрижалями много непонятного.

– Да что это вообще за скрижали? И что вообще происходит? – спрашиваю ровным голосом, этаким супергерой из боевика, показное спокойствие.

– Ничего пока не произошло, кроме появления этой скрижали. Ну и нового ловца.

Мальчишка отворачивается от меня и смотрит вдаль. Его детское лицо удивительно серьезное.

– Надеюсь, ты не про меня?

– Нет, конечно. Тебя это не касается. Просто не отдавай скрижали. Лично тебя прошу.

Несколько минут я просто смотрю на мальчишку, а он просто смотрит на город.

– Красиво? – спрашивает он с неясной печалью в детском голоске.

– Да.

В это время все светофоры, словно по команде, показывают зеленый. Так называемый зеленый коридор, я думал, такое бывает только в Москве. И в этот зеленый коридор влетает белая спортивная машина.

Для меня все белые спортивные машины одинаковы, я в них не разбираюсь, но сейчас я уверен: это та самая машина, за рулем которой сидит загадочная блондинка. Я даже ощущаю запах ее духов во влажном воздухе.

– Да, это она.

– О чем ты?

– А ты о чем?

Тяжело вздыхаю.

– С тобой сложно общаться.

Мальчишка поворачивается ко мне лицом и зацепляет взглядом. Его карие, с идеально чистыми белками глаза словно заглядывают в душу, копаются там, ищут, и в то же время

сами открывают для меня бездну знаний и времени. Знаний настолько глубоких, и времени настолько безграничного, что понять я просто не в состоянии – могу только почувствовать. На мгновение мне становится по-настоящему страшно. Страшно и противно. – Просто ты слишком мало знаешь. Придет время. А пока просто не отдавай скрижали.

– Да понял я, не отдам. А кто все-таки те двое?

– Тебя она интересуется?

Мальчишка опасно перегибается через низкое ограждение. Несколько крупных капель, сорвавшихся с карниза, бьют в его пушистые волосы, одна попадает в смешно оттопыренное ухо. Если не смотреть в его глаза – самый обыкновенный ребенок.

– Значит, она, – воспринимает он мое молчание как согласие.

– Да, – отрицать и в самом деле глупо.

– Вряд получится.

– Это почему?

– Разные социальные статусы, – очень серьезно говорит Бродяга, по-прежнему свешиваясь через перила.

Эта его фраза очень задевает. Разные социальные статусы. Но она же общалась со мной, и никакие статусы не мешали. Да и спортивная машина еще ничего не определяет.

– Дело не в машине и не в деньгах.

– Читаешь мысли? – старюсь говорить пренебрежительно, но сам чувствую: не получается.

Он задумывается на несколько мгновений, вытирает мокрую от дождя ладонь о клетчатые шорты.

– Нет. Просто хорошо знаю людей.

– Допустим. И в чем тогда заключается это различие в «социальных статусах»?

– Как я уже говорил, придет время, и ты поймешь. Тебе еще рано. Все, о чем тебе сейчас нужно думать, – как сохранить скрижали.

– Что в них такого?

Вместо ответа Бродяга просто смотрит на меня с легкой усмешкой.

– Ясно. Мне еще рано, я все узнаю, когда придет время. Думаю, пора расходиться, все равно ты ничего не расскажешь.

– А ты не глуп.

– Надеюсь.

– Иди первым, я тут малость приберусь. А то органы правоохранительные начнут вопросы задавать. Ненужные.

С головой, переполненной бушующими в смятении мыслями, покидаю квартиру и двигаюсь в сторону дома. Дождь прекратился, воздух влажный и тяжелый, он с трудом пробивается в легкие, от чего думать становится еще тяжелее.

Ловлю себя на том, что невольно выискиваю взглядом белую спортивную машину. Прохожу одну из остановок недалеко от офиса какой-то компании. Сердце радостно замирает, а ползущие с астрономической неспешностью мысли сметают светлый образ. Чуть дальше остановки, там, где парковаться не положено, стоит белый болид. Низкая посадка, обтекаемые формы, глухая тонировка и ровное урчание двигателя. Интересно, сколько стоит такая двухместная игрушка?

Стоит мне поравняться с задним бампером, как открывается дверь в салон.

Я замедляю шаг. Сестра сейчас в машину будет глупо после всего, что сказал Бродяга. Ей нужна скрижаль. Что бы она сейчас ни сказала – ей просто нужен кусок камня, висящий на моей шее.

Еще несколько шагов, и я вижу белый салон, обшитый кожей, чувствую запах цветов с легким терпким оттенком. Ее духи.

Но садиться все равно нельзя, и дело тут не в словах четырнадцатилетнего мальчишки. Внутри меня, на самом дне подсознания, скрыто ощущение: отдавать скрижаль не стоит. Ни Оленьке, ни Кавену. Вообще никому. Я не знаю, откуда взялась такая уверенность.

Еще несколько шагов, и я вижу руки на руле. Белые тонкие пальцы небрежно держатся за кожаную оплетку. Она слегка постукивает розовыми коготками, словно пребывает в нетерпении.

Наконец я поравнялся с открытой дверью. Оленька сидит, повернув ко мне голову. На ней короткая белая юбка гармошкой, обнажающая стройные ноги, простенькие кеды и светлая майка, прекрасно обрисовывающая фигуру.

Сглатываю ком размером с Куллиан.

Я чувствую, как потеют под взглядом ее голубых глаз ладони и спина. Она просто улыбается. Но я знаю, что нельзя садиться в машину, нельзя даже смотреть на эту девушку. Но почему нельзя – никак не могу понять. Это же просто девушка. Пусть загадочная, очень красивая и, судя по всему, богатая, но все же девушка. Неужели так повлияли слова Бродяги? Хотя еще до знакомства с тем странным мальчишкой я отказывался садиться в машину.

Невероятным усилием воли отвожу взгляд от хищной машины и прохожу мимо. Мне кажется, что я закован в гору стальных доспехов. Каждое движение дается невероятно тяжело. Переставить ногу едва ли проще, чем пробежать пару километров. Я чувствую, как по телу бежит пот, смешиваясь с дождевой водой.

Пять мучительных шагов, боковым зрением вижу белоснежный бампер. Идти становится будто бы легче. Делаю еще несколько шагов, и на меня обрушивается неожиданная легкость. Ноги едва ли не взлетают при малейшей команде мозга. Оставшийся путь до дома я преодолеваю легким бегом, наслаждаясь странной легкостью во всем теле.

В уже ставшей родной съемной квартире меня ожидает прохладный душ, горячий кофе и холодный завтрак. Тяжелые мысли, отчаявшись завладеть моим вниманием, расползаются по самым темным углам сознания. Все, что я сейчас хочу, – просто отвлечься. Постараться забыть прошедшие два дня. Абсолютно безумных дня. Забыть красавицу Оленьку, забыть угрюмого Кавена, забыть ребенка Бродягу. Это все слишком невероятно. Выстрелы в мою голову, непонятные куски гранита, малолетние философы с глазами мудреца. Я простой парень, встречаюсь с простой девушкой, живу в простой квартире, работаю на простой работе.

Стоило подумать про девушку, как сразу завибрировала телефонная трубка. Внешний дисплей черной «раскладушки» высвечивает короткое имя «Аня». Сейчас будет скандал. За всеми событиями я не звонил ей пару дней. С неохотой откидываю крышку телефона и подношу трубку к уху.

– Привет, – раздается мягкий, чуть картавый голос.

– Как ты, милая?

Стоит услышать ее голос, я сразу представляю себе эту стройную девушку. Маленького роста, с длинными каштановыми волосам и добрым, глуповатым лицом. Милая такая, почти без извилин. Удобно.

– Я-то хорошо, – в ее голосе ясно слышится обида, – а вот ты, наверное, очень занят.

– Да.

Отчего-то говорить с этой куклой сейчас совсем не хочется.

– Чем, любимый?

– Работа.

Специально стараюсь говорить короткими фразами, зарубить разговор в зародыше, но с ней это не проходит.

– А чем ты так занят?

– Нет времени. Извини, мне нужно идти.

Сбрасываю вызов. Этот звонок почему-то очень взбесил меня. Глупые вопросы. Ясно представляю, как она сейчас, обняв какую-нибудь мягкую игрушку, подаренную мной, плачет и смотрит на мобильный телефон – ждет моего звонка с извинениями, как было при каждой ссоре.

На своем лице я ловлю бессознательную улыбку. Нет, не позвоню. Зашвыриваю телефон в нижний ящик стола, под ворох бумаг, счетов за свет и Интернет, блокнотов, тетрадей, распечаток схем.

Ощущаю странное чувство злости и темного злорадства.

Касанием клавиши пробела пробуждаю компьютер ото сна. Быстро отвечаю на накопившиеся за время отсутствия сообщения в аське и контакте, проверяю почту. На все уходит добрых полчаса.

Через наигрывающую в колонках музыку Вагнера слышу настойчивое вибрирование мобильного телефона. Я точно знаю, кто звонит, и брать трубку не намерен.

Мягкие подушечки наушников прижимаются к ушам. Несколько привычных, почти рефлекторных действий – и между моим ноутбуком и компьютером Стила устанавливается голосовая связь.

– Привет! Ты где опять пропал? Мы тебя ждали-ждали!

– Здорова, Стил. Ты не поверишь, со мной такое произошло!

– Конечно, не поверю! Никакие происшествия в реальном мире не должны влиять на игру! Как ты мог! – то ли шутя, то ли всерьез вскрикивает компьютерный маньяк.

– Кстати, об игре. Заходи, по ходу расскажу.

Мы присоединяемся к игровому серверу и с головой уходим в волшебный мир так недостающих человеку приключений, магии, принцесс и драконов. В ходе беготни по пещерам и замкам, между боями и закупками оружия и зелий рассказываю виртуальному другу всю цепочку произошедших со мной событий.

– Вот такие дела, Стил. То ли я схожу с ума, то ли мир.

– Думаю, ты. А ты ничего не кушал запрещенного?

– Нет, ты же знаешь, я не ем всякую гадость.

– Знаю. Может, эхо сыграло.

– Какое эхо? Ты о чем?

Пока Стил подбирает слова, мы лихо сливаем гору противников и продвигаемся в глубь пещеры. Вокруг пылает пламя, дышат огнем драконы, машут топорами орки и гномы. Игра сегодня необычайно живая, и говорим мы с большими перерывами между боями.

– Ну, это бывает у бывших наркоманов. Когда они долго не употребляют, у них возникает эхо. Кайф ловят ни с чего. Флешбэк, на их жаргоне.

– Стил, я не был торчком. Было дело, кушал, но несерьезно. Да и на приход совсем не похоже.

– Тогда не знаю. Слушай, Вик, у меня тут какая-то девочка твой номер аси требует.

– Дальше? – на автомате отвечаю я после очередной схватки с двумя воинами.

– Дальше ты говоришь мне, давать или нет номер.

– Знаешь, я думаю, сейчас мне не до общения с незнакомыми девушками. И без них в моей жизни много странного.

– Да не парься, – в своей беззаботной манере отвечает голос из наушников, – всякое бывает. Ну поймал пару галов, что с того?

– Стил, ловить галлюцинации – это не нормально.

– Кто тебе такое сказал? – совершенно серьезно отвечает Стил. – Может, это нормально. Все ловят, но молчат. Мы так мало знаем о мире.

– В тебе погиб философ.

– Почему погиб? – искренне удивляется товарищ по играм, – он еще только зарождается. Короче, я даю ей твой номер.

– Возможно.

– Точно даю, она мне аську порвет своими просьбами.

– Ладно, давай.

– Я поем схожу, ты пока общайся.

С огромной неохотой выхожу из игры. Очень уж уютно в этом мире магии и мечей. Быстро иду на кухню и делаю крепкий, бодрящий кофе с корицей. Это на словах мне нет дела до какой-то там девушки из Интернета, ищущей контакта со мной. На самом деле любому парню льстит женское внимание, пусть даже только в сети. Сажусь с кружкой к ноутбуку. Светится новое сообщение.

Инесса:

– Привет. До тебя сложно добраться.

Я:

– Не люблю пускать чужих в свою жизнь. Ты по поводу чего?

Инесса:

– По поводу работы. Есть заказ.

Я:

– Дальше.

Инесса:

– Нужно встретиться, обсудить.

Я:

– Любую работу с компьютером можно обсудить через компьютер.

Инесса:

– Ты не понимаешь. Мне нужно сделать то, о чем по сети не пишут.

Я:

– Звучит заманчиво. И сколько ты заплатишь. И сколько мне дадут лет за это?

Инесса:

– Оплата будет достойной. Все легально, никакого криминала.

Я:

– Звучит слишком заманчиво. Вот так просто такие заказы не предлагают. В чем подвох?

Инесса:

– Встретимся, и все расскажу. Так ты согласен или нет? Я тебя уламывать не буду. Посоветовал тебя нанять хороший человек. Нет – так нет.

Я откидываюсь на спинку кресла и медленными глотками пускаю кофе по организму. Звучит однозначно заманчиво. И дело не в оплате. Такие заказы, как правило, очень полезны с профессиональной точки зрения. Интересные заказы, интересные проблемы, интересные решения. Это работа действительно для души. Я несколько раз набираю сообщение, стираю его и в итоге просто спрашиваю, где и когда можно пересечься.

Инесса:

– Я буду в городе около десяти вечера. Заходи в кафе «Брюгер». Знаешь, где это?

Я:

– Конечно. Как я тебя узнаю?

Инесса:

– Лови фото. Я буду в зеленом платье.

Стоит фотографии занять место на винчестере моего ноутбука, как пользователь Инесса выходит из сети.

Открываю принятый файл. С экрана на меня смотрят блекло-серые глаза на остром лице. Короткие, почти мальчишечьи волосы торчат во все стороны будто бы случайно, однако про-

глядывается продуманность этой безумной прически. На ее шее клетчатый шарф или платок. Оба уха демонстрируют любовь девушки к пирсингу: пять проколов в левом, девять в правом. Плюс маленькая точка на левой ноздре. Все пространство фотографии занимает лицо. Определить телосложение или рост по этому снимку невозможно.

Маленький участок монитора в правом нижнем углу сообщает точное время, синхронизированное с Интернетом. 16.02. До встречи с заказчиком еще шесть часов.

Быстро скидываю Стилу сообщение, что пошел кушать и вернусь через полчаса.

Создавать кулинарные шедевры нет никакого желания, и я просто кипячу воду и закидываю в нее макароны. Студенческий деликатес – макароны с кетчупом. Пока сушеное тесто варится, засыпаю кофе, включаю аппарат, достаю резаный хлеб. Жизнь потихоньку возвращается в привычную колею. Поем, поиграю – и работать. Вернусь – распечатаю книжку, упаду на кровать и буду читать. Беллетристику, с магией, мечами и драконами. Например, «Некроманта» Антона Трухинина. Давно хотел прочесть.

Сумасшедшая трель дверного звонка подбрасывает меня со стула, больно ударяюсь коленкой о столешницу. Громко ругаясь и проклиная неизвестного за дверь, хромаю в коридор.

Всегда открывал дверь сразу, не смотря в глазок. Но сейчас изменил привычкам. За дверью стоит Аня, моя девушка. И где вся гордость? Как так можно – после ссоры с парнем сначала названивать часами, а потом тащиться к нему в квартиру. Эта кукла с карими глазками и пустой черепной коробкой раздражает меня все больше и больше. Все чаще я невольно сравниваю ее с Оленькой.

Едва успеваю открыть дверь, как она беспардонно вламывается в квартиру и пытается обнять. С трудом избегаю ее тонких рук. Делаю несколько шагов в глубь квартиры. На ее кукольном личике проступают обида и слезы. Она ожидала совсем другого. Мы часто ссорились. Она часто звонила, а если я не брал трубку, приходила ко мне в гости, бросалась на шею, и я, одурманенный ее запахом, нежной кожей и шелковистыми волосами, просто тащил ее в постель.

Аня нервно тербит край клетчатой юбочки, невзначай приподнимая ее выше, чем следовало бы.

– Вик, что случилось? – жалобным голосом спрашивает Аня.

– Ничего не случилось.

– Ты странно себя ведешь.

– Начал наркотики употреблять.

Она долго смотрит на меня большими карими глазами. Пухлые губы несколько раз приоткрываются в попытке выдать слова.

– Ты шутишь? – наконец выдавливает она из себя.

– Не знаю, какая разница?

– Мне есть разница, Вик! – срывается она в истерику.

На какой-то миг мне становится ее жалко. Всего на секунду. И этой секунды хватает, чтобы ее заплаканное личико коснулось моей футболки, мои руки сомкнулись на ее тонкой талии, губы дотронулись до шеи. Я пропустил миг, когда потерял контроль над собой. Ее туфельки на маленьком каблучке, розовая кофта и салатная футболка остались в прихожей. Белья на ней не было. Она знала – все так и будет, мелькнула запоздалая мысль, но тут же погасла под давлением гормонов.

Очнулся лишь в десятом часу, с чувством, будто сотворил что-то нехорошее, подлое, гадкое. Аня лежала рядом, кутается в пышное одеяло. Длинные волосы красиво разметались по подушке. На большой кровати она выглядит совсем крохотной.

Через мозг словно пропустили несколько сотен вольт, едва искры из глаз не посыпались. К десяти нужно на встречу с Инессой. 21.15. Если быстро одеться, то до «Брюгера» вполне

можно дойти пешком. Никогда не любил общественный транспорт, а водить машину совсем не умею, да и не люблю.

– Ты куда? – томным голосом спрашивает Аня, глядя, как я спешно накидываю на себя первое, что откопал в шкафу.

– На встречу. Работа.

– Ммм... Не уходи.

Игнорирую ее просьбу и выключаю ноутбук – ей незачем там лазить, может найти много ненужного. Проходит всего четыре минуты, а я уже сбегая по ступенькам вниз, в джинсах, олимпийке и беговых кроссовках.

Майский вечер встречает меня гуляющими парами, огнями магазинов и ревом проезжающих машин. Дышится легко, хотя воздух отнюдь не чистый. На улице довольно прохладно. Жалею, что забыл натянуть под олимпийку хоть какую-нибудь футболку. Промозглый ветер с наслаждением кусает разогретое тело, гоняя по коже стада мурашек.

В 21.40 уже подхожу к месту встречи. Небольшое кафе, но весьма уютное. Я здесь бывал раньше.

Открываю пластиковую дверь, и в ноздри врывается запах пиццы, пива, коллы, ванили и женских духов различных марок. Справа зал для детей, слева – для взрослых. Даже не для взрослых, а для подростков. Шумные компании и тихие парочки занимают все столы, сесть некуда. Я быстро пробегаюсь взглядом по собравшейся публике, но зеленого платья не видно. Пришел слишком рано.

Детская часть заведения практически пуста. Заказываю салат, чай, пару кусков пиццы и ухожу в детский зал. За столиком у входа сидит молодая пара с ребенком, а в углу – девушка. Остальные столики свободны.

Девушка сидит ко мне спиной, но я узнаю короткую прическу и видный даже со спины пирсинг. Должно быть, это Инесса. Однако вместо обещанного зеленого платья на ней белые кеды, черные джинсы и черная водолазка.левой рукой она играет пластиковой вилочкой, правой не видно.

Подсаживаюсь к ней. Она совершенно спокойна, будто затылком наблюдала, как я подхожу к ее столику. Серые глаза смотрят внимательно, изучающе. Мой взгляд невольно соскальзывает ниже ее заостренного лица со вздернутым носиком и тонкими губами. Черная водолазка обтягивает хорошую фигуру. Она явно занимается спортом – каким бы ладным телом ни одарила природа девушку, такая подтянутость достигается только тренировками и сразу бросается в глаза.

– Нужно было одеться менее вызывающе? – приятный бархатный голос, не слишком тонкий, но и далеко не грубый.

– Не знаю. Что-нибудь заказать?

– Нет, спасибо. Я не голодна.

Отрываю взгляд от округлых форм своего работодателя и сосредотачиваюсь на своем ужине. Из-за Ани я так и не поел.

– О деле?

– Давай.

– Мой комп находится под чьим-то чутким надзором.

– Конкретнее?

– Кое-какие файлы, существующие, как я думала, в единственном экземпляре, оказались у других людей.

Инесса говорит с большими паузами, тщательно подбирая слова, будто боится сказать лишнее. Меня это немного пугает. Пока она говорит, я быстро поглощаю заказанную еду.

– И? – вопрошаю, так и не дождавшись конца очередной паузы.

Она посмотрела на меня, будто я сказал ужасную глупость, но, поколебавшись, продолжила.

– И нужно, чтобы этого больше не повторилось. Завтра сможешь приехать? Покажу фронт работы.

– Смогу хоть сейчас, я свободный художник.

В ходе беседы расправляюсь с едой.

– Я отойду, еще что-нибудь закажу. Тебе ничего не нужно?

– Это же не свидание, а деловая встреча, – как-то ехидно и невпопад отвечает Инесса, – девушка не обидится?

– Угостить красивую девушку, пусть и на деловой встрече, – это нормально. И она не обидится.

Откуда она узнала о моей девушке? Странная.

– Тогда молочный коктейль, – в первый раз за вечер улыбается Инесса.

Я заказываю коктейль с клубникой, чай, три больших куска пиццы и возвращаюсь к столу.

– Значит, договорились на завтра? Во сколько тебе удобно?

– Думаю, после обеда нормально.

– Отлично.

Инесса пьет коктейль, я ем пиццу. Она, нисколько не стесняясь, разглядывает меня, словно лабораторную мышь. Я вижу, как ее взгляд пробегает по моему лицу, мерно движущейся челюсти, плечам, рукам, торсу.

– Оставь свой номер.

Допив коктейль, Инесса достает из кармана КПК одной из последних моделей. Я диктую номер, и она делает вызов.

– Не получится, телефон остался дома.

– Ясно. Я заеду завтра в два.

– Куда заедешь? – я едва не давлюсь чаем.

– За тобой.

– Ты не знаешь, где я живу.

– Подвезу тебя обратно – узнаю. Предупреждаю твои вопросы и возражения. Мне нужна уверенность. Я отвожу тебя сейчас домой, отвожу завтра в контору и возвращаю обратно домой. Это не обсуждается. Можешь считать это условием сделки.

– Ладно, – нехотя соглашаюсь.

– Странный ты.

– Почему?

– А оплата тебя не интересует?

Теперь моя очередь улыбнуться. Оплата этого заказа не так важна. Уже сейчас меня раздражает от любопытства, какие секреты могут так тщательно храниться и столь же тщательно похищаться.

– Я не знаю подробностей работы. И возьмусь ли вообще – не знаю. Ты говоришь неконкретно.

Она улыбается в ответ.

– А ты не дурак.

– Надеюсь.

Я доедаю последний кусок пиццы, она допивает коктейль. Ощущаю приятную тяжесть и осоловелость. С неохотой встаю из-за стола. Она поднимается легко. Только теперь увидел ее во весь рост. Почти на голову ниже меня.

Мы выходим из уже полупустого кафе. Она достает из заднего кармана маленький брелок и нажимает кнопку. Припаркованный у пиццерии автомобиль откликается звуковым сиг-

налом и миганием хищных глаз. Длинное тело автомобиля тускло блестит в темноте. Глухая тонировка, хром, дистанционный запуск тихо урчащего двигателя. Я в таких машинах сроду не катался. Стоит этот черный блестящий монстр как квартира в центре. Не знаю, какая марка, но кожей чувствую – класс люкс.

Инесса первая подходит к урчащему монстру. Рядом с ним она выглядит маленькой девочкой.

– Садись.

Молча следую ее просьбе. Хочется думать, что это именно просьба.

Салон отделан бежевой кожей и красным деревом. Приборная панель больше похожа на компьютер. Множество дисплеев, но совсем нет кнопок. Все сенсорное. Моя новая заказчица касается короткими некрашеными ноготками сенсорной панели GPS-навигатора и вводит мой адрес, который я ей не называл. Значит, она и так знает, где я живу, и номер мой наверняка знала и раньше. Зачем нужно было устраивать это представление, зачем выходить не меня через Стила. Нужно в этом разобраться, и самый верный способ – попасть за ее компьютер.

Несмотря на глухую тонировку, из салона все прекрасно видно.

Инесса жмет педаль газа, и застывшие огни ночного города срываются нам навстречу.

В несущемся по городу автомобиле-скале удивительно уютно, пахнет кожей и терпким ароматом духов. Мало кто из девушек рискует пользоваться такими специфическими духами. Нужно быть очень уверенной в себе.

Всего за несколько минут черная торпеда машины подъезжает к моему дому. Мимоходом замечаю, что в моих окнах горит свет.

– Какой подъезд?

– Второй.

– Завтра в два буду ждать тебя у подъезда. Не проспай, – она явно догадывается, что меня дома ждут.

Я выхожу из машины. После аромата кожи и духов свежий вечерний воздух кажется пресным и блеклым.

Огромный автомобиль быстро скрывается в темных дворах.

Несколько минут стою у подъезда, размышляя о завтрашней работе. О предыдущих сумасшедших днях напоминают лишь висящие на шее гранитные скрижали. Жизнь вновь становится тихой и стабильной. Невольно улыбаюсь своим мыслям и бегом поднимаюсь в квартиру.

В моем мире с большой кроватью, ненавистными оранжевыми шторами и ноутбуком царит удивительный уют: пахнет свежими фруктами, мясом и женским парфюмом. Сразу чувствуется присутствие в квартире девушки.

Тихий, самый обыкновенный день заканчивается самым обыкновенным вечером.

ООО «Angel».

11 мая 2011 г.

Проснулись мы только в первом часу. Точнее, я проснулся: Аня – «жаворонок», уже давно на ногах. Из кухни приятно пахнет кофе и чем-то жареным. Я с наслаждением валяюсь в кровати, поглядывая на ползущие за окном сытые тучи. Серые громады перекрывают голубой купол, отчаянно пытаются давить на город. Но каменные постройки гордых людей не сдаются их натиску.

Если бы не встреча с Инессой, смог бы, наверное, весь день вот так пролежать в кровати, смотреть на тучи, выскивать в них драконов, замки, чудовищ. Но жизнь не может быть такой беззаботной всегда, и мне приходится встать и пойти в душ. Горячие струи сгоняют остатки сна, готовят организм к новому дню.

Из ванной комнаты выхожу посвежевший и голодный. Аня сидит за приготовленным столом. На ней моя красная футболка. Хотя с учетом Аниного роста она больше походит на короткое платье.

– Доброе утро.

Она улыбается, обнажая белые зубки. Успела привести себя в порядок. Губ и глаз коснулась косметика, длинные каштановые волосы аккуратно уложены. Часть закинута назад, и только несколько прядей переброшены вперед.

– И тебе.

Я набрасываюсь на завтрак, Аня – на мои уши. Толком не воспринимаю ее слова, да ей это вроде и не особо важно. Яичница быстро исчезает, словно в топке. Вслед за ней испаряются печенье и апельсины. На столе остаются лишь кофе и конфеты. Неспешно попиваю бодрящий напиток и просто наслаждаюсь. Сидеть на кухне, пить кофе, смотреть на тучи и на красивую девушку, слушать ее милое щебетание. Так и провел бы, пожалуй, весь день, но нужно идти. Вот-вот подъедет Инесса на черном монстре. Искренне благодарю свою подругу за завтрак, целую и выхожу с кухни, в которой зажурчала вода.

Аня всерьез решила остаться у меня надолго. Я не то чтобы против, но это очень непривычно и странно, особенно в свете последних событий.

Ладно, об этом можно будет и позже порассуждать. Время 13.50, а я все еще хожу по квартире, обмотанный полотенцем.

В самом углу шкафа классический костюм и несколько рубашек спрятались за спортивным костюмом, джинсами и толстовками. Немного подумав, достаю светло-синюю рубашку.

Спустя две минуты из зеркала в прихожей на меня глядит вполне солидный парень. Высокий рост, спортивное телосложение. Карие глаза, короткие волосы. Синяя рубашка, черные брюки и черная классическая кофта с треугольным воротом. Почти человек.

В 13.55 выхожу из квартиры. Каблуки туфель гулко цокают о бетон.

Машина Инессы стоит чуть дальше двери подъезда. Черный гигант среди соседских малолитражек. Идущие из школы мальчишки восторженно глазают на блестящий автомобиль, кто-то даже фотографирует на мобильные телефоны.

Она выходит из машины и машет рукой. Сегодня на ней голубая классическая юбка чуть выше колена, белоснежная блузка и жакет. Смотрится совершенно безумно с ее прической и многочисленными проколами хрящей. Обходя машину, замечаю, что на ногах у нее кеды. Самые простые кеды. Странная девушка. Хотя с ее достатком можно особо не беспокоиться о своей внешности.

– Привет. Готов?

– Всегда готов, – улыбаюсь в ответ.

В салоне на этот раз пахнет мятой и ванилью. Очень мягкий аромат.

- Тебе идет, – замечает Инесса, вдавливая педаль газа в пол.
- Надеюсь, ты не права.
- Это почему?

Она слегка скашивает глаза, чтобы одновременно видеть дорогу и мое лицо. От этого ее заостренное лицо становится смешным.

- Не знаю, просто я не очень-то люблю официальный стиль одежды.
- Я тоже, но приходится. Если честно, представляла тебя бородатым и в свитере.
- Предвзвудки. Не знаю ни одного программиста с бородой.
- Ладно тебе, не дуйся, – она улыбается половинкой губ, получается очень мило, – я сама

неформат.

- Заметно.
- А ты все взял? Тебе же нужны какие-то программы.
- Взял основной набор.

Я достал из кармана брюк ту самую связку флеш-карт. Зеленая, красная, синяя, белая, черная.

- Интересно. Цветовая градация не случайна?

Может, мне показалось, но Инесса задержала взгляд именно на черной флешке.

- Нет. Так проще запоминать и быстро найти, где именно нужна программа.
- Оригинально.

Дальше едем молча под клубные сеты и лишь изредка перебрасываемся ничего не значащими фразами. В субботний день дороги довольно пустынные, и утробно урчащий зверь быстро вывозит нас за город, в сторону элитного поселка «Березняки» – эдакая тюменская Рублевка.

Я просто смотрю по сторонам, Инесса сосредоточена на дороге. Мы движемся по средней полосе дороги, хотя с нашей скоростью надо бы занять самую левую. Однако подсказывать, как ей лучше ездить, я не решаюсь.

Электронный спидометр показывает 120 километров в час. Скорость довольно большая, особенно если учесть, что максимально допустимый порог на этой дороге – 80. Однако автомобиль Инессы здесь не самый быстрый. С левого борта нас обходит белый спортивный болид. Он нагло подрезает нашу машину и перестраивается в средний ряд.

Автомобиль Оленьки, а это она, я не сомневаюсь, сбавляет скорость до 120 и едет прямо перед нами. Широкий зад гоночной машины соблазнительно виляет, приглашает погонять.

– Оленька. Нашла время. Ну, я тебе покажу, – шутя ругается Инесса и вдавливая педаль газа в пол.

Они знакомы, бьет набатом в голове. Ничего еще не кончилось. Жизнь не вошла в привычную колею. И что со мной произойдет – я не знаю. Они, конечно, просто девушки, а я физически сильнее. Но где остановится черный монстр Инессы – неясно. Им ведь нужны талисманы. Я невольно прощупал взглядом на предмет оружия одежду азартно дергающей передачи девушки. Занятие абсолютно бесполезное: как выглядит спрятанное оружие, не представляю. Но психологически становится легче, ведь из-под жакета хотя бы не торчит черное дуло.

Мы буквально долетаем до поселка. Не будь я так обеспокоен своей дальнейшей судьбой, происходящая гонка наверняка захватила бы мое внимание.

Инесса что-то напевает себе под нос, швыряя машину из стороны в сторону, вылетает на встречную полосу и тут же ныряет обратно. На мой непрофессиональный взгляд, Инесса водит лучше соперницы. Черный внедорожник наверняка тяжелее спортивной машины, но мы отстаем лишь на сотню метров.

Символическую границу первым все же пересекает белый бампер.

Теперь обе девушки едут аккуратно. Оленька впереди, Инесса за ней. Вот теперь я всерьез нервничаю. Поселок от города довольно далеко. Мало кто может честно заработать на домик в нем.

Перед нами распахиваются широкие ворота. На их левой створке замечаю табличку с надписью ОАО «Angel». Странное название фирмы. Да и расположение.

Внутренний двор огромен. Слева парковка на семь машин, справа небольшой палисадник с деревьями, беседками и столиками. Чуть дальше маленький фонтан. Цветные струи воды бьют из абстрактно наваренных трубок. Даже не берусь предположить, что хотел сказать архитектор.

Инесса уверенно ведет машину мимо парковки по широкой, двухполосной гравийке. Дорога оканчивается просторной площадкой перед трехэтажным особняком. Массивное здание из стали, бетона и стекла. Никаких попыток сыграть в старину, никакой имитации дерева или египетской архитектуры. Все строго и современно.

Вслед за Инессой выхожу из машины. Моя работодательница и Оленька обнялись и уже о чем-то мило болтают.

Оленька одета в белый строгий костюм – брюки, блузка, туфли на низком каблучке. Как всегда улыбается.

– О, ты привезла нового ловца? А Бродяга не против, что он у нас в конторе? Это ведь у него та самая скрижаль! – говорит Оленька, едва увидев меня.

– О чем ты? Это тот мастер, о котором я тебе говорила. Его Виталья посоветовал.

– Какое совпадение. Этот тот самый, у которого наша скрижаль.

Совсем ничего не понимаю. Снова меня втягивает в это приключение со скрижалями, а я даже не знаю, для чего эти куски гранита.

– Ладно, обсудим это позже. Сейчас надо что-то решать с компьютерной безопасностью, – Инесса берет инициативу в свои руки, а я, как дурак, стою и смотрю.

– И ты вот так просто его отпустишь со скрижалью? – Оленька даже всплеснула руками.

– А что ты предлагаешь? Забрать все равно не сможем, сама знаешь, что он. К тому же за ним Бродяга приглядывает.

– Знаю. Это и злит. Ненавижу бездействие, – на мгновение ее лицо мрачнеет, но в ту же секунду вновь становится добрым и веселым, – до встречи!

Оленька машет маленькой ладонью с острыми коготками и скрывается за стеклянной дверью здания.

– Значит, у тебя скрижаль.

– Наверное. А что такого в этих скрижалях?

– Неважно.

Отношение Инессы ко мне неуловимо изменилось после установления моей личности как обладателя скрижалей. Она жестом попросила следовать за ней и направилась внутрь здания.

Приятная прохлада, нагоняемая кондиционерами. Огромный холл занимает весь первый этаж. Четыре массивные колонны держат верхние этажи. В одну из них вмонтирована плазменная панель, во вторую – некий аппарат с краниками, то ли кофеварка, то ли еще что. Две другие просто украшены затейливыми узорами по светлому камню. Стены практически отсутствуют – вместо них огромные окна. В самой середине, между колоннами, стоят четыре дивана. На одном из них спиной ко входу сидят парень с девушкой. Они тихо переговариваются, склонившись над столом из черного стекла.

– Мой кабинет наверху.

Только сейчас замечаю легкую, невесомую лесенку вокруг одной из колонн. Символические перила слишком низкие, чтобы за них можно было взяться – это просто висящие между крохотными стержнями цепочки. Сами ступени сделаны из металлических решеток.

Простор первого этажа сменяется теснотой второго.

Невесомая лестница выводит меня в расходящийся в стороны коридор. Белые стены отражают яркий свет ламп, так что первые несколько секунд мне режет глаза.

В прямых линиях коридоров время от времени попадаются двери. Никаких табличек, ручек, замков. Ничего, кроме маленькой коробочки слева от каждой двери. Все одиноко и безлико.

Вслед за Инессой прохожу мимо десятка дверей. Слишком уж близко они расположены. Неужели там действительно находятся офисы? Если так, то людям в них, наверное, приходится очень тесно.

По какому-то непонятному принципу моя фигуристая работодательница выбирает дверь. Из кармана жакета достает белую пластиковую карточку и прикладывает к коробочке магнитного замка. Помешаны они, что ли, на белом? Так много белого и яркого уже порядком раздражает глаза.

Кабинет Инессы довольно большой. Как только они умещаются в этом здании?

Стены обшиты деревом. Остальная мебель тоже из дерева, но она не массивная, как любят наши политики, а изящная, как и положено мебели для девушки. Посередине кабинета – стол с широкоформатным дисплеем, плоской клавиатурой и беспроводной мышью. Никаких стаканчиков под ручки и полка для черновиков. Слева от входа – огромная плазменная панель. Справа, под внушительной коллекцией кактусов, стоит диван, обтянутый коричневой кожей. Все в тон – черного и коричневого цвета. После белого безобразия в коридорах глаза блаженно скользят по обстановке, сглаженным линиям, мягким цветам.

Инесса с ходу падает на диван, прямо в одежде и в кедах.

– Можешь приступить. Извини, устала.

– Нет проблем.

Впервые мне приходится вот так работать – частная фирма, довольно успешная, судя по автомобилям сотрудниц. Даже самому приятно.

Большое кожаное кресло, выдержанное в светло-коричневых и бежевых тонах, бережно принимает мое тело. Удивительно комфортно.

От легкого прикосновения к крохотной кнопке на корпусе системного блока все нагромождение высоких технологий быстро оживает. Стандартное окно загрузки, стандартные окна и программы. Почему-то именно на этом компьютере я ожидал чего-то необычного. Никаких паролей.

– Вы бы хоть пароли ставили.

– Угу, – откликается сонный голос.

Мой работодатель мирно спит, развалившись на диване.

– Ладно, сам разберусь.

Дебри программ, портов, точек доступа и гигабайты информации затягивают с головой. Не замечая времени, я перекапываю компьютер Инессы «от и до», но не нахожу ничего необычного. Все абсолютно чисто: никаких утечек информации, никакого слежения, никакого шпионства.

– Как успехи? – от сонного голоса едва ли не подпрыгиваю.

– Пока не очень.

– Поясни.

Она как есть, босиком обходит компьютерный стол и заглядывает в монитор.

– Ничего не нашел. Либо за вами наблюдает очень хороший профессионал, либо у тебя паранойя. Что выберешь?

– Грамотного хакера. Утечка есть, это я гарантирую.

Я откидываюсь в кресле и оглядываюсь на нее.

– Можешь хоть что-то конкретизировать? Так нельзя работать.

– Нет, нельзя. Если бы ты был простым наемным рабочим, я бы рассказала. А ты не простой.

– Поясни, – настала моя очередь задавать вопрос.

– Ты оказался ловцом душ.
– И что это значит? Я не понимаю. Последние несколько дней я только и делаю, что ничего не понимаю.

– Бродяга тебе ничего не рассказывал?

– Нет.

– Тогда и я не расскажу. Ты его подопечный. Он все сам расскажет.

– Ага, когда придет время.

– Видишь, ты не глуп. Сколько я тебе должна за работу?

– Нисколько, я же ничего не сделал. Факт утечки есть, но я ничего не нашел.

– Не переживай, в нашей организации предусмотрена отдельная статья для таких расходов. Ладно, деньги переведу на электронный кошелек.

– У тебя нет номера.

– Это ты так думаешь. Если мы пригласили тебя – это не значит, что ты единственный компьютерщик, работающий на нас. Поехали, отвезу тебя. А то уже десятый час, подруга, наверное, переживает.

– Наверное.

Инесса надевает кеды, и мы покидаем пустое здание. Садимся в машину, выезжаем. Сразу за воротами нас останавливает маленький мальчишка в спортивном костюме. Я сразу узнаю Бродягу. Инесса притормаживает, и он садится на заднее сиденье.

– Привет, Вик, здравствуй, Инесса.

– И тебе здравствовать, Бродяга. С чем пожаловал? – в голосе девушки явно слышится недовольство.

Не дожидаясь ответа, Инесса вдавливая педаль газа в пол.

– Да я по делу, но не к тебе. Вик, те две скрижали... их нужно отдать. Аномальную, конечно же, ты оставляешь себе.

– Уверен? – спрашиваю, повернувшись к Бродяге.

– Не глупи, – вмешивается Инесса.

– Тебе отдавать? – обращаюсь к Бродяге.

– Нет, мне грязные не нужны. Инесса, довези нас до дома, там Кавен ждет.

Дальше едем в полном молчании. В полумраке салона снимаю со шнурка две скрижали. Бродяга протягивает мне два точно таких же камешка, но «чистых».

– И что мне с ними делать?

– Завтра расскажу. Выходи, приехали.

– Удачи, – прощается Инесса с нами обоими.

Я выхожу из машины и сразу натываюсь взглядом на черные провалы глаз Кавена. На нем дорогой черный костюм-тройка, черная рубашка и черный галстук. Псих. Он однозначно псих. Нормальные люди не ходят во всем черном. Да и в людей не стреляют.

– Красивая, – неясно, к чему относится замечание этого ненормального.

– Держи, – протягиваю ему в раскрытой ладони скрижаль с алыми вкраплениями.

– Спасибо. До встречи.

– Прощай.

– Нет, не прощай. Я твой постоянный курьер, – отвечает Кавен.

– Что?

– Потом расскажу. Кавен, тебе пора, – вмешивается Бродяга.

Не прощаясь, Кавен разворачивается на каблуках и скрывается во дворах. Его темный силуэт быстро пропадает из виду в сгущающихся сумерках.

– Я даже вопросов задавать не стану, – сокрушенно выдыхаю.

– Вот и правильно. Вот еще две скрижали. Завтра позвоню.

Молча сую куски гранита в карман.

– Как вы меня достали, – спокойно говорю Бродяге.

– Все только началось, – не теряет тот оптимизма.

– Это и пугает.

– Не ной.

– Уговорил.

Прощаюсь с Бродягой и бегом поднимаюсь в квартиру. Ани нет, но есть записка: «Ушла домой, мама переживает. Приготовила ужин. Включи телефон».

Готовит она все-таки хорошо. Я быстро уплетаю ужин и не раздеваясь падаю в кровать.

Информационный шпионаж.

12 мая 2011 г.

Просыпаться от того, что выспался, а не от рева будильника безумно приятно. Наверное, это одна из причин, по которым я не ишу постоянную работу с девяти утра до позднего вечера. Мягкое майское солнце прогревает комнату, забрасывая в нее свои лучи-копья через броню оранжевых штор. Даже их цвет не особо раздражает меня в такое утро.

Сладко потягиваюсь и лежу в кровати еще с полчаса. В колонках тихо играет Вагнер. Для полного счастья не хватает чашки кофе в постель. Однако окончательно пробуждает меня не кофе, а стук в дверь. Кого принесло в такую рань?!

Медленно встаю с кровати и плетусь к двери, словно на казнь. Заглядываю в глазок, вижу белобрысую макушку. Бродяга. За какую-то наносекунду настроение из заоблачных высот падает в самые глубины ада.

– Открывай уже, хватит на меня глазеть, – звучит сквозь дверь приглушенный голос.

Ничего не остается, кроме как подчиниться.

– Ты позвонить вроде обещал, а не ломиться ко мне в дом ни свет ни заря.

– Телефон заряжай! И вообще, я тебе не друг, чтобы к твоему мнению прислушиваться! Этот белоголовый мальчишка смешно теревит замочек то на трико, то на олимпийке.

Делает вид, будто нервничает.

– Скрижали при тебе? А ну дай гляну. Хотя ладно, чувствую. Ты догадался, что такое скрижали, я надеюсь?

– Кажется, да.

Невольно проверяю под рубашкой шнурок с камешками.

– Вот адрес.

Бродяга достает из кармана синих трико замусоленный клочок бумаги в клеточку и молча наблюдает, как я брезгливо изучаю врученное сокровище.

– Там нужно быть завтра ночью. В 5.00. Ну, тут написано все. Наполнишь скрижали – и домой. Все просто, никаких проблем быть не должно.

– А если откажусь?

– Эти скрижали у тебя принимать будет Оленька. Она твой курьер.

– То же самое говорил Кавен.

– Ты меня даже в квартиру не приглашаешь, почему я должен тебе что-то объяснять?

Угадал – потому что я твой курьер. У тебя их три.

– А у других?

– Правильный вопрос. У всех три. Но тебе это знать пока не нужно. В общем, будь там в назначенный срок. Потом наберешь указанный на листочке номер, это Оленькин, договоришься, где встретиться. Отдаешь три синие скрижали, аномальную по-прежнему держи при себе. Вопросы? Нет. Пока.

Он резко разворачивается, противно скрипя кедами по бетону, и сбегает вниз по лестнице. А я так и стою в дверном проеме с помятым листком. Когда же кончится этот безумный сон?

От позитивного настроения остались лишь осколки, мерзко хрустящие под ногами, но я знаю прекрасный способ его поднять. Спорт.

Конечно, «программист, занимающийся спортом» звучит несколько бредово, но это всего лишь стереотип. Я знаю немало парней, сведущих в электронной магии, которые регулярно тренируются, причем профессионально.

Залитый солнцем стадион встречает меня тремя километрами бега под тяжелые мелодии немецкой команды Rammstein. Вакуумные наушники бережно оберегают мой мозг от посто-

ронних раздражителей – от визжащих неподалеку детей, злых мамаш и прогуливающих школу подростков. Я вообще не очень люблю заниматься спортом утром. В десять часов, в будний день – это ужасно. Слишком много препятствий, шума, ненужной суеты. Другое дело – ночью. Бежишь себе спокойно, слушаешь звуки затихающего города, шум редких автомобилей.

От бега перехожу к брускам и перекладине, отдохнув от силы минут десять. Конечно, для правильной тренировки этого мало, но я не люблю ждать.

В третий раз покоряя простенькую железную конструкцию, словно врезаюсь в мелькнувшую догадку. Требуется всего мгновение, за которое мое тело из наивысшей точки спускается в нижнее положение, чтобы мозг выстроил четкую картинку всей системы Инессы и жирными красными и синими линиями подчеркнул те самые уязвимые места, которые пропустил в первый раз. Я буквально вижу, как операционную систему, установленную в офисе Инессы, слушают и смотрят, вижу все ключевые блоки шпионских программ.

Я не успеваю толком осознать увиденное, как видение исчезает. Не знаю, что это было – мистификация или просто отдохнувшее подсознание сделало выводы, собрав воедино все части этой компьютерной головоломки.

Быстро, насколько способно мое тело, возвращаюсь домой, собираюсь набрать номер Инессы, но телефон по-прежнему разряжен. Проклиная себя за глупость, вставляю зарядное устройство в гнездо. Умерший было кусок пластика и микросхем откликается пиканьем. Сам не понимаю отчего, но я ужасно волнуюсь, как перед первым в жизни свиданием. Телефон, конечно же, запускается нереально медленно, долго загружает в память нестандартную оболочку и список контактов, но, в конце концов, выдает сообщение о готовности к работе.

Едва попадая трясущимися пальцами на клавиши, набираю номер Инессы.

– Вик? – отвечает спустя шесть гудков заспанный и удивленный голос.

– Спишь в четверг, в десять утра? – начинаю разговор совсем не о том, ради чего звоню

– Работала вчера до ночи. Ты звонишь просто поболтать?

– Нет-нет, прости, что разбудил. Я, кажется, знаю, как вычислить того, кто шпионит за твоей системой.

Секундное молчание, явно потраченное на сверхзвуковое размышление, и быстрый ответ:

– Через пятнадцать минут встречаемся у тебя во дворе.

Несколько мгновений слушаю короткие гудки, после чего закрываю крышку мобильного. У меня пятнадцать, даже четырнадцать минут, чтобы собраться. Вспоминаю армейские уроки.

Через семь минут стою у шкафа и безрезультатно ищу что-нибудь из одежды. Аня добралась до моего сборника тряпья и навела там идеальный порядок. Теперь найти хоть что-то практически нереально. Порывшись в ровных квадратах маек, аккуратных пирамидках толстовок и ровно висящих чучелах костюмов, с чувством покорившего Эверест я достаю синие джинсы и белую с золотым рисунком футболку. На поиски одежды уходит еще две минуты. Остается пять. Этого более чем достаточно для натягивания носков, джинсов, футболки и шнурования кроссовок. Укладываюсь в три минуты и кубарем слетаю с четвертого этажа, едва не сбив соседку.

Как ошпаренный, вылетаю на дорогу во дворе и тут же отпрыгиваю назад. С визгом и запахом жженой резины сверкающий белым болид останавливается прямо у кончиков моих кроссовок. Выскакивает Инесса в сером брючном костюме, на невысоких каблуках и едва ли не силой, даже не поздоровавшись, усаживает меня на заднее сиденье автомобиля. Ее волосы еще более взъерошены, чем обычно, а многочисленные сережки в ушах и ноздре будто пылают азартом.

За рулем, уже срывая свою игрушку с места, сидит Оленька. В салатовой майке без рукавов и коротких шортах она напоминает эдакую девочку-пацанку из «Ералаша». Длинные волосы заплетены в озорные косички с крупными бантиками. Детскими ручками она,

ловко играя передачами и рулем, легко обходит едва ползущие по дороге машины и втискивается в узкие просветы. Сантиметр влево – и зеркало коснется проезжающей фуры, сантиметр вправо – царапнет бампером припаркованное в неподобающем месте такси. При этом девушки мило щебечут «о своем, о женском» и ехидно поглядывают в мою сторону через зеркало.

Удивительно, я совсем не боюсь попасть в аварию, несмотря на то, что постоянно отвлекающаяся красивая блондинка подбрасывает стрелку спидометра выше ста двадцати километров.

– Так что ты там придумал? – повернувшись через сиденье, спрашивает Инесса.

– Еще точно не знаю: вообще первый раз встречаю такое. Все утро думал о твоей проблеме, и, кажется, нашел кое-какие безумные варианты.

– Ну, безумные варианты – это по нам. Правда, Ин? – звонко смеется Оленька. – Вик, ты рад? Я теперь твой новый курьер.

– Я даже не знаю, что это такое, но однозначно рад.

– Классно! А когда первый заказ?

– Завтра ночью.

Девушки странно переглядываются.

– Опять не поспать толком. И почему почти все подопечные Бродяги – ночные птицы? А я так люблю солнышко! Весна! – жизнерадостно сообщает Оленька.

Инесса тоже смеется над только им двоим понятной шуткой.

– Бродяга в своем репертуаре. Странно, что ты одеваешься не в серое, – Инесса оценивающе пробегается взглядом по моему прикиду.

За пустой болтовней и обсуждением моей одежды машина Оленьки влетает на территорию ОАО «Angel». Внутренняя парковка абсолютно пуста, за исключением черного монстра, замершего в ожидании Инессы. Все так же, с визгом и перегрузками, Оленька останавливает машину у самого входа в здание.

В офисе тихо и мрачновато. Почти все электроприборы молчат: не работает телевизор, не шумит кофеварка, лампы горят через две. Четверг, утро, а у них выходной.

– В командировке все, – отвечает Инесса на незаданный вопрос.

– И вы расслабляетесь, пока нет начальства?

Звонкий смех Оленьки растекается по пустому холлу, бьется бабочкой об окна.

– Она директор местного отделения, – отвечает Инесса, – идем.

Оленька остается на первом этаже, а мы с Инессой по уже знакомой лестнице поднимаемся в белые коридоры. Теперь здесь царит легкий полумрак, белоснежные стены и двери скорее ласкают, нежели режут глаза.

Все та же, наверное, дверь, тот же кабинет и тот же компьютер. Сажусь и запускаю машину в сладком предвкушении сам не знаю чего.

В этот раз Инесса стоит у меня за спиной и внимательно наблюдает, как я вставляю в порты флешки одну за другой, роюсь в самых дальних и темных углах операционной системы, перезагружаю компьютер, качаю из всемирной паутины файлы, редактирую реестр.

– Ты уверен в том, что делаешь?

– Практически.

Сажу за ее клавиатурой уже больше двух часов. Спина затекла и шея онемела, но я чувствую, что цель уже совсем близко.

– Принтер есть?

– Да, а в чем дело?

– Я закончил.

– Распечатывай. Принтер в другом кабинете.

С чувством полного морального удовлетворения вывожу на печать результат многочасового труда. Список адресов людей, на чьи компьютеры утекала информация через невероятно сложную и запутанную систему вирусов, троянов и шпионских программ.

Инесса выходит из кабинета и вскоре возвращается с парой листов. Несколько минут она внимательно изучает полученную информацию, сидя на диванчике. Ее глаза азартно блестят, она даже сладко облизывает губы, будто дикая кошка в предвкушении добычи.

– Знакомые адреса. Ты еще не гасил их программы? Оставь все как есть. Будем вести тройную игру.

– Это для меня уже не важно. Меня интересует моя награда.

Инесса с трудом отрывается от распечаток.

– Сколько? Говори, не стесняйся. Деньги не проблема.

– Для меня тоже деньги не проблема...

– Да? – иронично спрашивает она, поглядывая на мою одежду.

– Я хочу ответов на свои вопросы, – словно не замечаю издевки.

Инесса в задумчивости перебирает рукой многочисленные сережки в правом ухе.

– Не на все. И не сейчас.

– Когда?

Инесса достает свой мобильный и, набрав номер, бросает несколько слов на неизвестном мне языке, мягком и тягучем – ни резких звуков, ни острых переходов.

– Давай так: ты встречаешься с Оленькой, и при передаче скрижалей она ответит на часть твоих вопросов.

– Договорились.

– С тобой приятно иметь дело.

Она тянет мне руку, я сжимаю ее крохотную ладонь.

– Оленька забросит тебя домой. Она уже ждет внизу.

Стоит открыть дверь кабинета Инессы, как в глаза конским копытом бьет ослепляющий белый свет. Он везде: снизу, сверху, по сторонам. Даже сквозь закрытые веки я ощущаю, как в мозг бьет этот поток белого.

В коридорах много людей. Кто-то бежит по каким-то делам, кто-то говорит по телефону, кто-то рассматривает какие-то листки, кто-то полупшепотом разговаривает с коллегами.

Как ошпаренный, выбегаю из этого сумасшедшего дома, набитого белым светом и странными людьми, среди которых, я, кажется, видел вооруженных парней. Не уверен, но даже не хочется об этом думать.

Оленька в самом деле уже ждет меня в своей машине. Белоснежный болид нестерпимо ярко сверкает под весенним солнцем. Она успела переодеться, и теперь на ней синие джинсы, серая кофта с длинным рукавом и высоким воротником, простые белые кроссовки. Словно собирается не гонять по городу на спортивной машине, а отправиться в поход в лес. Но гораздо больше поражают ее глаза – обычно голубые, едва ли не синие, сейчас они блеклые, почти серые, как небо в пасмурную погоду.

Я молча сажусь в машину, где по-прежнему вкусно пахнет цветами, но уже не так. Ощущение, будто весенний день сменился осенним вечером.

Не успеваю захлопнуть дверь, как машина уже срывается с места под жесткие зарубки Amatory. Впервые она включила музыку в машине, и настолько громко, что поговорить нет никакой возможности. Видимо, это сделано специально, и мне ничего не остается, кроме как сидеть и молча смотреть то на своего курьера, то на пролетающие за окном дома и машины.

Все в том же бешеном ритме болид Оленьки продирается в глубину жилого массива и почти что выплевывает меня у подъезда.

– Не забудь про скрижали. Вот мой номер.

Она протягивает мне в открытое окно пластиковую визитку и срывает свою игрушку с места.

День уже перевалил за середину, а я еще не ел. Готовить нет никакого желания, и я просто заказываю себе пиццу и пакет натурального сока.

После тяжелой умственной нагрузки, да еще после утренней пробежки я чувствую себя абсолютно измотанным, но почти счастливым, даже несмотря на все эти загадки со скрижалями.

Заказ привозит через полчаса маленький прыщавый мальчишка лет 16. Жуткая оранжевая жилетка висит мешком, а в глазах застыла космическая печаль неудачника. На какой-то миг мне даже становится жаль беднягу. Но это лишь минутная слабость: он сам виноват во всех своих бедах. Даю ему сотку на чай и захопываю дверь с непонятно откуда взявшейся злобой.

После событий в доме молодой девушки-дизайнера, где меня то ли убили, то ли разыграли, меня преследуют постоянные перепады настроения, точно у беременной. Может, сказывается нервное напряжение или еще что.

Усаживаюсь за компьютерный стол, запускаю в проигрыватель милые голоса «ТаТу» и неспешно поглощаю пиццу с грибами. Я просто не знаю, чем себя занять в ближайший день. Прибыть в указанное Бродягой место нужно только завтра ночью ближе к рассвету. Значит, в запасе больше суток.

Звук сообщения в ICQ отрывает мое внимание от круга пиццы. Это Инесса, предупреждает, чтобы я зарядил телефон. С чувством непонятной обреченности, словно стоит мне включить телефон, как что-то из моей жизни навсегда уйдет, ставлю трубку на зарядку. Мобильник благодарно пикает.

Видимо, теперь придется всегда «быть на связи». Уверен, что это окажется одним из условий сотрудничества с этими людьми.

Пока я рассуждаю, телефон проигрывает заставку-приветствие и получает новое сообщение.

«На ваш электронный кошелек номер ***** поступила сумма ***\$».

Неплохо. Перевод с электронного счета ОАО «Angel». Интересно, что это значит? Просто благодарность или намек, что мне ничего не расскажут, а просто отделаются некоторой суммой. Деньги, конечно, неплохие, но ответы меня интересуют гораздо больше.

Так и не придумав, чем себя занять в ближайшие сутки, я включаю сериал и падаю в кровать с чашкой только что сваренного крепкого кофе и остатками пиццы. Помню, родители всегда ругались, когда я вот так кушал, лежа в кровати. Надо бы им позвонить. Завтра позвоню обязательно, а то в свете последних событий я не чувствую себя уверенным в будущем. Думать об этом не хочется, но несколько дней назад в меня стреляли. Не знаю, как я выжил, и надеюсь узнать это в ближайшее время.

Предательское время тянется невероятно медленно. Такое впечатление, что его специально удерживают чьей-то невидимой рукой, не давая разогнаться во всю прыть.

Ответы. 14 мая 2011 г.

Я всегда умел тратить время просто так. Без пользы, без толка и без удовольствия – просто тратить время. Вот и предыдущие пустые сутки заполнили пустые стаканы из-под кофе, пустые сериалы, пустые мысли о красоте заката над городом.

Дисплей телефона, теперь всегда заряженного, показывает три часа ночи. Через пару часов мне нужно прибыть по указанному адресу, но что там делать – не имею ни малейшего понятия. Догадываюсь ли я, что такое скрижали, спрашивал Бродяга. Догадываюсь, что эти предметы каким-то образом связаны со смертью людей, но само это предположение уже звучит безумно. Где тогда моя скрижаль, ведь я тоже умирал? Почему именно я должен их с собой носить и присутствовать на месте гибели? Почему Оленька или Кавен не могут сами все делать, а только требуют с меня «готовые» камни? И что за скрижаль, так не похожая на другие, висит на моей шее? От массы всех этих вопросов просто пухнет голова, и сегодня ночью я намерен разобраться хотя бы с частью из них.

Еще вчера проверил по карте, куда именно нужно прибыть. Это здание круглосуточного магазина, где торгуют алкоголем. Минут тридцать пешком от моего дома. Я знаю, что выходить рано, но оставаться в квартире уже просто нет сил, к тому же запасы провианта кончились еще часов шесть назад. Желудок жалобно урчит, но я слишком взвинчен, чтобы есть.

Одеваться стараюсь как можно медленнее. С астрономической неспешностью натягиваю черные джинсы, темно-синюю, почти черную, толстовку и черную куртку. Несмотря на теплые майские деньки, ночью все еще прохладно.

Время только-только перевалило за четыре утра, а я уже преодолел половину пути до магазина. В предрассветном воздухе слабо растворены самые отчаянные гуляки, едва ощущаемые асфальт под ногами, запах дешевых духов, перегара и первой влюбленности.

Нужный магазин – одноэтажная пристройка к жилому дому. Простые стеклянные витрины, пластиковые двери, уставшая продавщица, сонный охранник и пара пьяных парней, все никак не способных остановиться.

Я точно знаю, что через сорок минут кто-то умрет, но почему-то нет ни беспокойства, ни тревоги. Есть только любопытство, даже азарт: кто именно сейчас уйдет? Те двое пьяных парней, симпатичная продавщица или охранник? Сам себе противен, но ничего не могу поделать с непослушно мечущимися мыслями. Они носятся, словно сорвались с цепи, дерутся за мое внимание и в отчаянии бьются о черепную коробку. Но все они не о том. Должен же я хотя бы попытаться предотвратить гибель людей.

Тихонько тяну на себя пластиковую дверь. По магазину прокатывается звон колокольчиков, и все четверо: высокая тощая продавщица, быковатый охранник и вороватого вида пареньки – оборачиваются в мою сторону, но тут же, как по команде возвращаются к своим делам. Крашеная блондинка с неправильными чертами лица режет ценники, охранник с бычьей шеей и лысой головой краем глаза следит за двумя покупателями, а те никак не могут решить, что им приобрести на последнюю сотку – водки или пива.

Не нахожу ничего лучше, чем просто рассматривать витрину. Море алкоголя с красивыми этикетками, манящими и гордыми названиями. Сам я к алкоголю холоден. Закуски из мяса и рыбы, огромный выбор табачных изделий...

Время приближается к пяти утра. Пока я терся в магазине у прилавка, между накачанным охранником и двумя пьяными парнями назрел конфликт. Он наотрез отказывался одолжить им 50 рублей. Те, в свою очередь, отступить не собирались. Против брони охранника не помогли ни угрозы «деловыми друзьями», ни жаргон, ни просьбы. Так ничего и не добившись, они купили бутылку дешевой водки и ушли.

Часы над одним из прилавков показывали 4.57. Кто-то должен вот-вот умереть. Кто? Скорее всего, те двое. Вероятность, что именно они влипнут в какую-нибудь историю, очень велика. Немного поразмыслив, я решаюсь выйти из магазина.

На улице уже посветлело. Двое парней в спортивных костюмах стоят у магазина и курят. Странно, на меня они практически не обращают внимания, словно не видят.

Один из них, выше и наглее, что-то замечает в ближайшем дворе и окликает своего друга. На дорогу выходят две молодые девочки лет шестнадцати. Судя по одежде, они собрались в поход или в подобное место: на них кроссовки, простые потертые джинсы и растянутые кофты, явно с чужого плеча. За плечами – небольшие рюкзаки. Обе брюнетки. Одна из них чуть повыше, пухленькая, с добрыми карими глазами и милыми ямочками на щеках. Вторая выглядит более строго и взросло, несмотря на юный возраст и задорно вздернутый носик.

Яркой вспышкой в мозгу вспыхивает предчувствие – именно эти девочки сейчас погибнут. Хочу сорваться к ним навстречу, закричать, предупредить, но не могу даже сдвинуться с места. Неведомая сила вкрутила меня в асфальт, прибила невидимыми гвоздями.

Пьяные парни внаглую пристают к этим малолеткам, испуганные девочки потихоньку отходят назад, к своему подъезду, что-то робко отвечают. Пухленькая начинает реветь и умолять не трогать. Один из парней объясняет, что для этого нужно сделать девочкам. Девушка понижее, не вынесла оскорблений, бьет здоровяка ладонью, неумело, наотмашь, но я слышу звонкую пощечину.

А я только могу бессильно рычать и сжимать челюсти до хруста.

Парень, которому досталась пощечина, резко взмахивает левой рукой, и по животу этой молодой хрупкой девочки расплзается кровавое пятно. Пьяный, ничего не соображающий, он так же спокойно ударяет вторую девочку рукоятью ножа в висок.

По серой кофте и серому асфальту расплзаются кровавые пятна, безобразные и неровные.

Кожей я чувствую, как нагреваются скрижали. Девушки умирают. Им нет и восемнадцати, а они уже умирают. Мне двадцать один, а я стою живой и ничего не могу с этим поделать. Ничего. В груди жжет то ли от горечи, то ли от скрижалей. Сердце проламывает ребра, крови в мозг поступает столько, что она сейчас хлынет из глаз вместо слез.

Обессиленный от напора собственных эмоций, я падаю на колени. По моим щекам катятся слезы, и я невольно их стираю тыльной стороной ладони. На светлой коже остаются алые разводы. Это кровь. Я и в самом деле плачу кровью. Лучше бы я умер в тот день, когда получил от Кавена пулю.

Пьяница. 16 мая 2011 г.

Горячие капли обжигают тыльную сторону ладони, холодные пальцы ласкают саму ладонь. Удивительный контраст. Все мое существо сейчас сконцентрировано в правой руке. Влажная кожа ощущает легкую дрожь чужих тонких пальцев и мерные удары теплых капель. Крупные и горячие, они падают редко, растекаясь по моей коже. Кап, дрожь рук, всхлип, кап, всхлип, дрожь, вздох, кап. . . .

– Вик, дорогой, – ласкает уши мягкий, нежный голосок.

Аня. Интересно, что она здесь делает? И где это – здесь. Надо бы открыть глаза. Но это кажется нереально трудным. Веки теперь словно из толстого свинца, а сил совсем нет. Пробую пошевелить пальцами. С большим трудом указательный сдвигается на пару миллиметров. Простое движение вызывает фонтан боли в мышцах и новую порцию всхлипов.

Немного поразмыслив, решаю прекратить попытки прийти в себя. Сил совсем нет. Едва пробудившееся сознание вновь угасает.

– Вик, Вик. К тебе пришли.

Резко распахиваю глаза и тут же закрываю. Яркий солнечный свет бьет в сетчатку с силой тарана. За те полсекунды, что глаза были открыты, я успел понять, что лежу на своей кровати. На краешке постели сидит Аня – именно она держала мою руку, обильно поливая слезами. В дверном проеме застыла Оленька, одетая почему-то в медицинский халат.

– Кто пришел? – едва хватает сил выдавливать слова.

– Доктор. Говорит ее из милиции прислали.

– Аня, позвольте, я осмотрю его, а вы пока приготовьте горячего кофе, ему нужно взбодриться.

Слышу, как выходит Аня, и Оленька подходит к кровати. Интересно, она сейчас улыбается или нет?

– Что за фокусы, Вик? Мы не так договаривались.

Я чувствую, как игла проходит через кожу на сгибе локтя. Легкое давление – и игла выходит. Лекарство начинает действовать мгновенно. Кажется, она вколола мне обогащенный уран. По жилам плещется пламя, мозги вот-вот закипят, а в желудке один за другим извергаются вулканы.

Огненная буря в организме утихает довольно быстро, и ей на смену приходит осенняя прохлада – бодрящая, но неприятная.

– Что случилось? Я сам не понимаю.

– Случилось то, что ты отнесся к своим обязанностям слишком чувствительно. Ты начал винить себя в смерти тех девочек, – вкрадчиво говорит Оленька, – но это не так. Не в твоей власти это изменить. Они должны были умереть, и они умерли.

– Это невозможно, Оля, он убил двоих несовершеннолетних девочек у меня на глазах.

– Да, убил. И этот человек проживет долгую и беззаботную жизнь.

– Так нельзя! Я убью его. Найду и сам накажу! Оля, как ты можешь знать это и жить спокойно, улыбаться, кататься на своей машине? Играть в ваши непонятные игры?

Чувствую, как руки бессильно сжимают простыню, а через закрытые веки просачиваются горячие слезы.

– Пройдет время, и ты поймешь.

Ее голос необычайно серьезен. Только теперь я решаюсь открыть глаза – и сразу попадаю в ловушку. Голубые сапфиры беспечной блондинки стали яркими изумрудами колдуньи.

– Из-за твоей излишней эмоциональности на тебя завели дело в милиции. Я с трудом вытаскала тебя. Отдай мне камни, и я уеду.

– Вы обещали ответы.

– Сейчас вернется твоя подруга. Ты же не хочешь говорить при ней.

– Тогда и скрижали я при ней не отдам.

Глаза Оленьки не просто зеленые – они светятся зеленым. Всегда добрая и улыбающаяся, она, кажется, готова меня растерзать на куски и скормить свиньям.

– Вик, не глупи.

– Нет.

– Ты и так задержал у себя их на двое суток.

– Ничего, переживу. До вечера побудут со мной. Не страшно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.